

Человек в информационном обществе

ИЗМЕНЕНИЕ МЕДИАПРАКТИК МОЛОДЕЖИ ПОД ВЛИЯНИЕМ ВНЕШНИХ ОГРАНИЧЕНИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ИНТЕРВЬЮ)

Статья рекомендована к публикации членом редакционного совета Т. К. Ростовской 08.10.2024.

Петрова Евгения Викторовна

Кандидат филологических наук

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт медиа, доцент
Москва, Российская Федерация*

evpetrova@hse.ru

Пославская Юлия Станиславовна

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт медиа,
студент*

Москва, Российская Федерация

yusposlavskaya@edu.hse.ru

Аннотация

В статье на материале полуструктурированных глубинных интервью рассматривается, как изменились практики молодых пользователей социальных сетей в контексте двух проблемных ситуаций: ограничений, связанных с пандемией covid-19, и блокировок популярных интернет-ресурсов. Отмечено, что при высоком уровне доступа к интернету происходит переструктурирование системы медиапрактик. Технологические изменения оказываются погружены в разнообразные контексты и воспринимаются вместе с ними. Одни и те же действия в цифровой среде могут наделяться разными смыслами и даже иметь противоположные значения.

Ключевые слова

интернет; социальные сети; молодежь; технологии и социальных контекст

Введение

По данным аналитиков, среди молодежи аудитория пользователей интернета близка к 100% [1]. Кроме того, отмечается, что показатели доступа к интернету среди домохозяйств постепенно сравнивались с долей имеющих доступ к высокоскоростному широкополосному интернету [2]. То есть экстенсивный рост интернета, например, в молодежной среде близок к максимальным показателям – интернет есть почти у всех, а его достаточно высокое качество позволяет им активно пользоваться. При этом отметим, что такая конфигурация сложилась относительно недавно и развивалась достаточно быстро. Так, к примеру, в 2001 году только 2% россиян посещали интернет ежедневно, в 2010 году доля домохозяйств, имеющих доступ в интернет, была меньше 50% (48,4%). Поэтому только относительно недавно эксперты стали отмечать не столько экстенсивный рост использования интернета, который определяет прежде всего число пользователей, уровень доступа, сколько качественные изменения тенденций взаимодействия с интернетом.

В этот период можно выделить как минимум две проблемных ситуации, которые повлияли на то, как люди используют интернет: это пандемия covid-19 и блокировка популярных интернет-ресурсов. В период covid-19 пользователи начали быстрее интегрировать свою повседневную жизнь в цифровое пространство. Аналитики отмечали, что популярность многих сетевых практик растет быстрее, чем аудитория глобальной сети. В 2022 году аудитория социальных сетей выросла, при этом показатели потребления увеличились во всех возрастах. Ограничения на использования

© Петрова Е. В., Пославская Ю. С., 2025

Производство и хостинг журнала «Информационное общество» осуществляется Институтом развития информационного общества.

Данная статья распространяется на условиях международной лицензии Creative Commons «С указанием авторства – С сохранением условий» версии 4.0 Международная, размещенной по адресу:

<https://creativecommons.org/licenses/by-sa/4.0/legalcode.ru>

https://doi.org/10.52605/16059921_2025_02_48

ресурсов «Facebook» и «Instagram» (запрещенные в России соцсети) привели к перетеканию пользователей на другие площадки [3].

В данной статье мы рассмотрим, как изменились практики пользователей интернета в связи с выделенными выше двумя проблемными ситуациями. В эмпирической базе данного исследования 24 глубинных полуструктурированных интервью, собранных в две волны. Интервью первой волны были собраны во время пандемии covid -19, но не в первый период, а позже, когда новые практики уже закрепились. Вторая волна интервью была собрана после того, как в результате блокировок пользователи скорректировали свои привычные практики. Мы пытались ответить на вопрос, как в период, когда интернет стал максимально доступен, меняются интернет-практики молодежи в ситуации внешних вызовов? Выбранный метод предполагает возможность не только зафиксировать изменения, но и попытаться понять их контекст.

Мы исходим из того, что интернет стал той медийной технологией, которая предполагает, что пользователь активно участвует в коммуникационном процессе [4]. Социальное конструирование технологий признает, что «пользователи „создают“ технологию не в меньшей степени, чем разработчики, переосмысляя идеи разработчиков так, чтобы решать свои проблемы» [5]. При этом мы отмечаем, что интернет может наделяться пользователями разным значением [6]. Кроме того, мы опираемся на постулаты теории практик, сформулированные в работах Пьера Бурдьё. В частности, для нас важно, что «практики не только выражают нечто, но и придают ему смысл» [7, с. 71]. Для практики стимулы не существуют как объективная истина условных и обусловленных пусковых устройств, а действуют только при условии их встречи с агентами, способными их узнавать [7, с. 103].

С позиции медиатеорий мы отмечаем, что для интерпретации российских трендов медиapotребления популярной является идея замещения [8]. Под замещением понимается процесс замены одного социального элемента другим, имеющим сходный смысл, контекст, функцию. При этом современную медиасистему мы видим в контексте теории полимедиа. Исследователи определили полимедиа как среду, «вырастающую из коммуникационных возможностей, функционирующую как „интегрированная структура, внутри которой специфика каждого отдельного медиа определяется через отношение к контексту всех остальных медиа“» [9, с. 337]. Практики в полимедиа функционируют в сочетании возможностей, предлагаемых технологиями, медиаплатформами, мотивами и стимулами выбора, который делают пользователи.

1 Многоликие пользователи: зачем молодые люди заводят несколько аккаунтов в социальных сетях

По данным аналитиков, молодые люди от 18 до 24 лет проводят в интернете в среднем почти по шесть часов в день, в то время как представители молодежи от 25 до 34 лет проводят в сети примерно пять часов в сутки. Социальные сети – лидеры времяпрепровождения россиян в интернете [10] даже после блокировок популярных ресурсов.

Изучая медиапрактики российской молодежи в разных проектах¹, мы неоднократно убеждались в том, что интернет доминирует в медиасистеме молодых людей и больше всего времени молодые люди проводят в социальных сетях. Мы обратили внимание, что этот опыт может быть представлен по-разному. Оказалось, что молодые люди не только пользуются разными социальными сетями, но и в одной социальной сети могут иметь несколько профилей. Уловив такую особенность, мы попытались собрать больше данных. Для этого в октябре 2021 – январе 2022 годов были собраны глубинные полуструктурированные интервью с пользователями социальных сетей. Важно отметить, что эта волна исследования проходила после довольно непростого периода вынужденной медиатизации как профессиональных сфер, так и личного общения, решения бытовых вопросов и т.д. Резкое погружение в медиа стало следствием самоизоляции и пандемии covid-19. Впервые в истории человечества всемирная организация здравоохранения вместе с пандемией объявила инфодемию [11, с. 4]. Как отмечено на сайте ВОЗ, инфодемия представляет собой переизбыток как онлайн, так и офлайн информации [12].

¹ «Трансформация медиасреды и практик медиapotребления и медиаиспользования в сельской местности России», поддержанного Программой Фонда образовательных инноваций, Проект «Цифровизация чтения в контексте актуальных исследований и образовательных практик», поддержанный Институтом медиа Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

В наш базовый гайд, в который включены тематические блоки, посвященные повседневной жизни информантов, их медийным практикам в целом, практикам использования интернета, мы добавили вопросы, сфокусированные на опыте использования нескольких профилей в социальных сетях. В итоге в нашей базе оказалось 13 интервью со студентами вузов (19-22 года)². Наши информанты продемонстрировали примерно одинаковый набор социальных сетей и мессенджеров, в которых зарегистрированы и которые используют чаще всего («ВКонтакте», «Telegram», «WhatsApp» и «Instagram*»)

Наибольшее число аккаунтов у пользователя из нашей эмпирической базы – 9, наименьшее – 4. На основе 13 интервью мы выделили шесть образов молодых людей в социальных сетях. Мы назвали их, используя лексику наших информантов: «Фанат», «Профессионал», «Я в повседневной жизни», «Я в печали», «Я и мое хобби», «Инкогнито». Эти образы могут появляться в разные периоды и в разных сочетаниях. Для образа «Фанат» характерен постинг материалов, связанных с объектом фанатского интереса, для образа «Профессионал» – материалов, связанных с работой или учебой. В образе «Я в повседневной жизни» создаются посты про жизнь в реальном времени, актуальные события. Для образа «Я в печали» характерны посты, связанные с настроением или любыми меланхолическими рассуждениями о жизни. Образ «Я и мое хобби» создается для построения личного бреда, в таком профиле публикуются в основном посты, связанные с увлечением автора. Для образа «Инкогнито» характерно создание новой виртуальной личности, которая, как правило, не имеет ничего общего с автором по формальным признакам (таким как город, фото или имя). Часто профиль «Инкогнито» используется для того, чтобы наблюдать за цифровой жизнью интересных и знакомых информанту людей. В трех интервью были представлены все варианты, во всех остальных образах их было меньше. Но у всех респондентов обязательно был аккаунт «Профессионал» и «Я в повседневной жизни». Обращает на себя внимание стремление наших информантов разделить в социальных сетях профессиональную и личную жизнь, а также выделять разные тематические направления. Вынужденное увеличение времени онлайн способствовало тому, что люди стали диверсифицировать свои интернет-практики. Парадоксально, что наши информанты в среде, которой предписана максимальная публичность, ищут в том числе и приватное пространство (доступ к профилям "я в повседневной жизни" и особенно "я в печали" и "инкогнито", как правило, ограничен).

В нашем эмпирическом материале выделялась еще одна особенность: информанты создают разные комбинации онлайн и офлайн практик. Например, в интервью описаны ситуации, когда молодые люди знакомились онлайн, а на каком-то этапе решали встретиться в офлайн среде. Информанты рассказывали, что устраивали встречи семьи, в которых часть группы собиралась в одном помещении, а остальные присоединялись дистанционно. Молодые люди отмечали, что, даже имея возможность лично встретиться с друзьями, в некоторых ситуациях предпочитали общение в социальных сетях. Например, когда в общении возникали сложности и требовалась большая социальная дистанция для коммуникации. В то же время социальные сети помогают поддерживать коммуникацию в ситуациях, когда офлайн общение становилось невозможным, а социальные контакты были очень важны и прерывать их не хотелось (например, такие ситуации возникали в связи с переездом из родного города, сменой места учебы). Собранный эмпирический материал фиксирует, что онлайн практики не только составляют отдельную сферу, но могут быть частью и офлайн среды, образовывать новые сочетания.

2 Технологические барьеры и социальные действия: быть или не быть с VPN?

Вторая часть нашего эмпирического материала была собрана в рамках проектов научно-исследовательского семинара «Исследование практик взаимодействия аудитории с медиа» Института медиа Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». После блокировки социальных сетей для российской аудитории участники семинара попытались зафиксировать, как изменился пользовательский опыт. В рамках этой задачи было собрано 11 полуструктурированных интервью с представителями аудитории социальных сетей («TikTok»,

² В рамках этой волны были проведены еще 3 интервью с представителями более старшего поколения (37, 42 и 52 года). Эти интервью тоже попадают в рамку предложенных образов. Мы предполагаем, что общее и различное в опыте взаимодействия с социальными сетями детерминировано не столько возрастом информантов, сколько функциями социальных сетей, которые характерны для разных социальных групп. Но пока это наша гипотеза, мы продолжаем работать над этой темой.

* Instagram принадлежит компании Meta, признанной экстремистской организацией и запрещенной в РФ

«Instagram»*, «Facebook»*). Материал был собран с декабря 2022 года до июня 2023 года. Все пользователи относились к социальной группе студентов, возраст респондентов 19-22 лет.

Собранные данные мы попытались рассмотреть в контексте других исследований на схожую тему. Так, например, Сулова А. А., Невмержицкий А. Ю. изучили «наиболее популярные посты и комментарии по запросу: ограничение и блокировка с перечнем социальных сетей». Авторы пришли к выводу, что «реакция на блокировку социальных сетей неоднозначная... мнения аудиторий разделилась на 3 крупных лагеря: несогласные, переживающие утрату и действующие» [13, с. 160]. Зафиксированы исследователями и социально-психологические последствия блокировок. Исследователи отметили, что блокировка Instagram* приводила к утрате сообщества, социальной среды обитания [14], что сопровождалось тревогой, страхом, озлобленностью, апатией и т. д. Также была зафиксирована связь отношения к блокировкам с тем, какие источники информации доминируют в системе медиапотребления: телезрители чаще поддерживали блокировки, чем пользователи социальных сетей [15].

Среди наших информантов не оказалось тех, кто не отметил изменений. Некоторые информанты продемонстрировали замещение заблокированных социальных сетей незаблокированными. В большинстве случаев собеседники говорили о замещении «Instagram*». Он замещался «ВКонтакте», «Telegram» или «YouTube» следующим образом: «ВКонтакте» используется для поиска услуг и просмотра видео (шортс), «Telegram» для создания личных каналов вместо личных страниц, «YouTube» для просмотра видео. Другая группа также заметила изменения в использовании социальных сетей именно в части интенсивности – информанты из этой группы стали меньше или вовсе перестали использовать заблокированные социальные сети. При этом замещать их они никак не стали, в частности интенсивность использования незаблокированных социальных сетей осталось такой же, как и раньше.

Мы также зафиксировали, что информанты по-разному относятся к блокировкам: спектр мнений варьировался от четкого несогласия с таким решением до спокойного отношения с пониманием (термин использовался информантами). Однако, сравнивая отношение к явлению и изменение практик, мы заметили и совпадения, и различия между декларируемой позицией и реальной практикой. Так в числе «категорически несогласных» были информанты, которые практически отказались от прежних практик, и те информанты, которые нашли варианты обхода блокировок и продолжают пользоваться привычными для них социальными сетями. Проводя аналогии со своим опытом отношений с физическим пространством, один информант так сформулировал свою позицию по этому поводу: «*Эта блокировка сработала для меня как красный свет, а я на красный свет не езжу*». Однако в интервью выяснилось, что опыт обхода блокировок у информанта есть.

В нашем материале можно выделить несколько вариантов поведения, характерных для информантов в условиях блокировок привычных им ресурсов. Мы обозначили их так: стратегия максимального сохранения при минимальных действиях; действие как позиция и изменение как возможность. Так же, как и в приведенном выше исследовании Суловой А. А., Невмержицкого А. Ю., у нас получилось три варианта. Но наш фокус был не столько на отношении к блокировкам, сколько на самой практике. В первом варианте информанты стремились к минимальными действиям и готовы были отказаться от привычных медийных практик, если доступ к ним требовал значительных усилий. Это, по сути, иллюстрирует базовый для медиаисследований подход, известный как дробь выбора (соотношение пользы/награды и усилия) и характерный для понимания действия активных пользователей медиа [16]. Соответственно, можно сделать вывод, что для наших информантов ценность заблокированных социальных сетей оказалась не столь уж высока, если при увеличении необходимых усилий для доступа к ним, наши информанты делали выбор в пользу значительного снижения взаимодействия либо даже полного отказа от привычных практик. Как отдельный вариант мы выделили действие как позицию. В этом случае наши информанты аргументировано объясняли причины изменения своих практик. Интересно, что в нашем материале были представлены разные позиции и разные решения: от понимания ограничения ресурса как ограничения свободы и решения установить платный VPN до «я на этот вражеский сайт заходить не буду» и решения полностью отказаться от использования блокируемых ресурсов. Но в обеих ситуациях информанты осознавали свою медиапрактику как социальное действие. Третий вариант поведения был продемонстрирован в одном интервью: информант

** Соцсеть, принадлежащая запрещенной в России организации

отнесся к блокировке как к новой возможности. Он искал варианты продвижения своего проекта и спрогнозировал, что в связи с блокировками вырастет число пользователей в Telegram, начал активно развивать свой канал. В итоге информант отказался от использования заблокированных социальных сетей, а вложения в работу с новой платформой информант в интервью оценивал как удачное решение. Данный материал показывает, что одно и то же действие может быть наделено разным смыслом.

Заключение

Для актуального периода характерно в основном завершение экстенсивного развития интернета. Происходит изменения модели развития интернета, и этот этап совпал с периодом значительного внешнего влияния и высоких рисков. Интернет-практики переструктурируются, меняется их значение. Интернет та технология, на функционирование которой оказывают влияние пользователи. В данной статье мы рассмотрели две ситуации, в которых пользователи реагировали на вынужденные дополнения и изменения своего привычного пользовательского опыта.

В период пандемии covid-19 ограничения стимулировали переход привычных практик в онлайн среду, их диверсификацию и возникновение новых сочетаний онлайн и офлайн практик. В другой проблемной ситуации – ограничении доступа к популярным ресурсам – информанты принимали решение о том, как менять свои привычные практики, когда происходит трансформация медиасистемы. В итоге реакции на одно и то же явление оказывались разными под влиянием социального опыта информантов. На нашем материале можно зафиксировать, что изменения медиапрактик опираются на разные социальные контексты и стимулы. Сложность для исследователей состоит в том, что медиапрактики вписаны во многие системы и даже при схожем действии могут означать разное, что важно учитывать при интерпретации в том числе и количественных данных, особенно в связи с продолжающимися изменениями российской медиасистемы.

Благодарности

Авторы данной статьи благодарят за участие в проектной работе и помощь в сборе данных для этого исследования студентов Института медиа НИУ ВШЭ Безребельную А. А. и Сирину А. И. В статье использованы методологические наработки проектов «Трансформация медиасреды и практик медиапотребления и медиаиспользования в сельской местности России», поддержанного Программой Фонда образовательных инноваций и «Цифровизация чтения в контексте актуальных исследований и образовательных практик», поддержанного Институтом медиа НИУ ВШЭ.

Литература

1. Аудитория интернета в 2022 году // Медиаскоп. 2023. URL: https://mediascope.net/upload/iblock/3d8/qrIhud7t7dxyzw1rhtzxcg3rkw8deg7uk/2022_%D0%98%D0%9D%D0%A2%D0%95%D0%A0%D0%9D%D0%95%D0%A2.pdf (дата обращения: 16.01.2024).
2. Индикаторы цифровой экономики (статистический сборник). // В.Л. Абашкин, Г.И. Абдрахманова, К.О. Вишневский, Л.М. Гохберг и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М. : ИСИЭЗ ВШЭ, 2024. – 276 с. – URL: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/892389163.pdf> (дата обращения 25.04.2024).
3. Интернет в России в 2022-2023 годах. Состояние, тенденции и перспективы развития // Отраслевой доклад. Минцифры. - Москва, 2023 - URL: <https://digital.gov.ru/uploaded/files/internet-v-rossii-v-2022-2023-godah.pdf> (дата обращения 25.04.2024).
4. Коломиец В.П. Медиатизация медиа – Москва: Издательство Московского университета, 2020.
5. Сафронов А.В. (2020). Компьютеризация управления плановой экономикой в СССР: проекты ученых и нужды практиков // Социология науки и технологий. Т.11, №3, 22-41.
6. Петрова Е. В. Интернет там, где у меня пожар»: как молодые люди относятся к интернету и какое значение ему придают? // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2024. № 2 (180). С. 3-27.

7. Бурдые П. Практический смысл - СПб: Алетейа, 2017.
8. Назаров М. М.(2023). Медиа: Аудиторныетренды. Человек в современной российской медиасреде. – М.: ЛЕНАНД.
9. Мадьяну М., Миллер Д. (2018). Полимедиа: новый подход к пониманию цифровых средств коммуникации в межличностном общении / пер. с англ. А.Пауковой, В. Чумаковой // Мониторинг общественного мнения : Экономические и социальные перемены. 2018. № 1. С. 334–356. DOI: 10.14515/monitoring.2018.1.17.
10. Медиапотребление, 2022 // MEDIASCOPE. URL: https://mediascope.net/upload/iblock/883/f11rt3k24o0ju2jkak4v0s0wr836wobp/MEDIAPOTREBLENIE_DIGITAL_14092022.pdf (дата обращения: 15.07.2024)
11. Когда «корона» тяжела: цифровые медиа в эпоху пандемии / Под общ. ред.: А. Г. Качкаева, С. А. Шомова. Сост.: А. А. Новикова. М.: Издательские решения По лицензии Ridero, 2021.
12. Борьба с инфодемией на фоне пандемии COVID-19: поощрение ответственного поведения и уменьшение пагубного воздействия ложных сведений и дезинформации. Совместное заявление ВОЗ, ООН, ЮНИСЕФ, ПРООН, ЮНЕСКО, ЮНЭЙДС, МСЭ, инициативы ООН «Глобальный пульс» и МФКК, сентябрь 2020 - URL: <https://www.who.int/ru/news/item/23-09-2020-managing-the-covid-19-infodemic-promoting-healthy-behaviours-and-mitigating-the-harm-from-misinformation-and-disinformation> (дата обращения 20.09.2024).
13. Сулова А.А., Невмержицкий А.Ю, Изгнание из цифрового рая. Анализ реакции аудиторий и оценка возможных последствий в связи с блокировкой популярных социальных сетей в марте 2022 // «Возможности и угрозы цифрового общества»: материалы Всероссийской научно-практической конференции, Ярославль 21-22 апреля 2022 года/ Под редакцией А.В. Соколова, А.А. Фролова. Ярославль: Общество с ограниченной ответственностью «Цифровая типография» , 2022. С. 156-162.
14. Лукина К.В., Широкова А.С., Захарычева Т.А. Социологическое измерение реакции пользователей на блокировку «Инстаграм»: оценка экспертов // Власть и управление на Востоке России. 2022. №3 (100). С. 132-141.
15. Щекотуров А.В., Зинич А.В. Медийные источники информации в контексте блокировки социальных сетей (материалы опроса студентов БФУ и ОМГАУ) // Информационное общество. 2023, №5. С. 56-62.
16. Кирия И. В., Новикова А. А. История и теория медиа М. : Издательский дом НИУ ВШЭ, 2017.

CHANGES IN MEDIA PRACTICES OF YOUTH UNDER THE INFLUENCE OF EXTERNAL RESTRICTIONS (BASED ON RESEARCH INTERVIEWS)

Petrova, Evgenia Viktorovna

Candidate of philology

National Research University Higher School of Economics, Media Institute, associate professor

Moscow, Russian Federation

evpetrova@hse.ru

Poslavskaya, Julia Stanislavovna

National Research University Higher School of Economics, Media Institute, student

Moscow, Russian Federation

yusposlavskaya@edu.hse.ru

Abstract

The article, based on semi-structured in-depth interviews, examines how the practices of social network users have changed in context of two problematic situations: restrictions associated with the covid-19 pandemic and blocking of popular Internet resources. It is noted that with a high level of access to the Internet, a restructuring of the media practice system occurs. Technological changes are perceived in a variety of contexts. The same actions in the digital environment can be given different meanings and they even have opposite meanings.

Keywords

Internet; social networks; youth; technologies and social context

References

1. Auditoriya interneta v 2022 godu // Mediascope. 2023. URL: https://mediascope.net/upload/iblock/3d8/qrhud7t7dxyzw1rhtzxcg3rwx8deg7uk/2022_%D0%98%D0%9D%D0%A2%D0%95%D0%A0%D0%9D%D0%95%D0%A2.pdf.
2. Indikatory cifrovoj ekonomiki (statisticheskij sbornik). // V.L. Abashkin, G.I. Abdrahmanova, K.O. Vishnevskij, L.M. Gohberg i dr.; Nac. issled. un-t «Vysshaya shkola ekonomiki». – M.: ISIEZ VSHE, 2024. - URL: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/892389163.pdf> (25.04.2024).
3. Internet v Rossii v 2022-2023 godah. Sostoyanie, tendencii i perspektivy razvitiya // Otrasevoj doklad. Mincifry. - Moskva, 2023. - URL: <https://digital.gov.ru/uploaded/files/internet-v-rossii-v-2022-2023-godah.pdf>.
4. Kolomic V.P. Mediatizaciya media – Moskva: Izdatel'stvoMoskovskogouniversitete, 2020.
5. Safronov A.V. (2020). Computerization of the Planned Economy in the USSR: Projects of Scientists and the Needs of Practitioners // Sociology of science and technology. T.11, №3, 22-41.
6. Petrova E. V. (2024) “The Internet Is Where I Have a Fire”: Young People’s Attitudes Towards On-line Practices and Their Context. Mo ni to ring of Pub lic Opi ni on: Eco no mic and So cial Chan ges.No. 2. P. 3-27.
7. BOURDIEU P. Prakticheskij smysl (Le sans pratique) - SPb: Aleteja, 2017.
8. Nazarov M. (2023). Media: Audience trends. Man in the modern Russian media environment. – Moscow: Lenaland.
9. Madianou M., Miller D. Polymedia: Towards a new theory of digital media in interpersonal communication / transl. from Eng. A. Paukova, V. Chumakova. Monitoring of Public Opinion : Economic and Social Changes. 2018. № 1. P. 334 – 356. DOI: 10.14515/monitoring.2018.1.17.(In Russ.)
10. Mediapotreblenie, 2022/ // Mediascppe. URL: https://mediascope.net/upload/iblock/883/f11rt3k24o0ju2jkak4v0s0wr836wobp/MEDIAPOTREBLENIE_DIGITAL_14092022.pdf
11. Kogda «korona» tyazhela: cifrovye media v epohu pandemii / Pod obshch. red.: A. G. Kachkaeva, S. A. SHomova. Sost.: A. A. Novikova. M.: Izdatel'skie resheniya Po licenzii Ridero, 2021.

12. Bor'ba s infodemiej na fone pandemii COVID-19: pooshchrenie otvetstvennogo povedeniya i umen'shenie pagubnogo vozdejstviya lozhnyh svedenij i dezinformacii. Sovmestnoe zayavlenie VOZ, OON, YUNISEF, PROON, YUNESKO, YUNEJDS, MSE, iniciativy OON «Global'nyj pul's» i MFKK, sentyabr' 2020 - URL: <https://www.who.int/ru/news/item/23-09-2020-managing-the-covid-19-infodemic-promoting-healthy-behaviours-and-mitigating-the-harm-from-misinformation-and-disinformation>
13. Suslova A.A., Nevmerzchickij A.YU, Izgnanie iz cifrovogo raya. Analiz reakcii auditorij i ocenka vozmozhnyh posledstvij v svyazi s blokirovkoj populyarnyh social'nyh setej v marte 2022 // «Vozmozhnosti i ugrozy cifrovogo obshchestva»: materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, YAroslavl' 21-22 aprelya 2022 goda/ Pod redakciej A.V. Sokolova, A.A. Frolova. YAroslavl': Obshchestvo s ogranichennoj otvetstvennost'yu «Cifrovaya tipografiya», 2022. P. 156-162.
14. Lukina K.V., Shirokova A.S., Zaharycheva T.A. Sociologicheskoe izmerenie reakcii pol'zovatelej na blokirovku «Instagram»: ocenka ekspertov // Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii. 2022. №3 (100). P. 132-141.
15. Schekoturov A.V., Zinich A.V. Medijnye istochniki informacii v kontekste blokirovki social'nyh setej (materialy oprosa studentov BFU i OMGU) // Informacionnoe obshchestvo. 2023, №5. P. 56-62.
16. Kiriya I. V., Novikova A. A. Istoriya i teoriya media M. : Izdatel'skij dom NIU VSHE, 2017.